

ГЕОРГИЙ МАРКОВ

МАРКОВ Георгий Мокеевич — советский русский писатель, сценарист и драматург, журналист, военный корреспондент, общественный деятель. Председатель правления Союза писателей СССР (1986—1989), перед тем первый секретарь правления (1971—1986). Родился 6 (19) апреля 1911 года в селе Ново-Кусково Томской области в семье охотника-медвежатника и крестьянки. В 1927—1931 годах был на комсомольской работе в Томске. В 1930—1932 годах учился на вечернем отделении Томского государственного университета, но не окончил его. В 1931—1941 годах — на редакционной работе (редактор детского журнала «Товарищ» и газеты «Большевицкая смена» в Новосибирске, газеты «Молодой большевик» в Омске). Участник Великой Отечественной войны: с июня 1941 года был военным корреспондентом газеты «На боевом посту» Забайкальского фронта, участвовал в разгроме Квантунской армии. С 1936 года начал печататься. Член Союза писателей с 1943 года. В 1956 году переехал в Москву. Автор романов: «Строговь», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь», «Грядущему веку»; повестей: «Солдат пехоты», «Орлы над Хинганом», «Земля Ивана Егорыча» и др. Г.М. Марков принадлежал к соцреалистическому литературному направлению. Действие его романов происходит в Сибири. В своём первом романе «Строговь» Марков показывает зарождение и развитие партизанского движения в Сибири во время революции. Романы и повести писателя неоднократно экранизировались.

Г. Марков являлся дважды Героем Социалистического Труда (1974 и 1984), лауреатом Ленинской премии (1976), Сталинской премии третьей степени (1952), Государственной премии РСФСР им. бр. Васильевых (1984) и премии Ленинского комсомола (1980). В 1973 году подписал Письмо группы советских писателей о Солженицыне и Сахарове. В 1978 году передал Ленинскую премию на создание библиотеки в родном селе Ново-Кусково.

Не разделяя многих моментов перестройки, 18 января 1989 года по собственному желанию ушёл с поста председателя правления Союза писателей СССР.

Скончался после тяжёлой продолжительной болезни 26 сентября 1991 года в Москве. Похоронен на Троекуровском кладбище. В Иркутске установлена мемориальная доска.

Сибирь

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ

1

Парабельский фельдшер Федор Терентьевич Горбьяков овдовел шесть лет тому назад. После смерти жена оставила ему в наследство пятистенный дом, большой сундук, окованный светлой жостью, с вещами, тринадцатилетнюю дочку Полю и отца Федота Федотовича, которого Горбьяков с первого дня своей семейной жизни называл на немецкий манер «фатер».

Горбьяков попал в нарымские дали не по доброй воле.

Будучи студентом медицинского факультета императорского Томского университета, он вступил в марксистский кружок. Когда в университете случились студенческие волнения, Горбьяков принял в них самое деятельное участие: выступал на митинге, ходил к ректору с протестом, разбрасывал в университетской роще революционные листовки. Вскоре с группой студентов он был арестован. Сравнительно с другими студентами, входившими в состав подпольной организации и осужденными к тюремному заключению и каторжным работам, Горбьяков отделался легко: его сослали в деревню Костареву Нарымского края сроком на три года.

Но даром говорится, что пути человеческие неисповедимы. Горбьяков не вернулся в университет ни через три года, ни через пять лет. Рядом в Парабели жил старый рыбак Федот Федотович Безматерных, бывший сахалинский каторжанин. Была у него дочка Фрося. Толком никто не знал, своя ли она у Федота или приемная.

Знали другое: первый свет в окне для Безматерных — дочка. Лучший кусок, самый нарядный лоскут — все отдавал Федот Фросе.

Чтоб не голодать, многие ссыльные нанимались на купеческие невода в период осеннего промысла. Тут-то Федор Терентьевич и увидел Фросю. Увидел, да и полюбил.

Через полгода Горбьяков женился на Фросе, переехал в дом тестя, стоявший на отшибе от села. Когда срок ссылки кончился, Горбьяков отправился в Томск. Здесь он сдал экзамен на фельдшера и со свидетельством на руках вернулся снова в Парабель. Ссылка «неудобного элемента» в нарымские пределы в те годы все расширялась. Увеличивалось и число стражников. Год от года шел приток переселенцев. Бедный люд привлекали вольные земли. Какой-то умный человек решил: нельзя же людей в таких местах оставить вовсе без медицинского призора. Так и оказался Федор Терентьевич Горбьяков в должности разъездного фельдшера.

Должность у Горбьякова была, прямо сказать, беспокойная. Половину года он проводил в поездках. Летом на лодках, зимой на лошадях и оленях проникал он в самые глухие деревеньки и юрты, разбросанные по берегам Оби и ее притокам: Васюгану, Тыму, Парабели, Кети, Чулыму.

Многим ссыльным, да и местным жителям — крестьянам, рыбакам, охотникам помог Горбьяков не только своими советами медика и лекарствами, а главное, своим участливым словом, теплом собственного сердца. Но кого не смог сберечь Горбьяков — это Фросю, жену свою.

Скоротечная чахотка источила ее в шесть недель. Похоронил Горбьяков жену на Обском яру, открытом всем ветрам. На плите сам высекал надпись: «Свет твой,

Фрося, никогда не померкнет в душе моей, как не иссякнет любовь моя к твоей родной земле».

Надпись эту едва ли кто читал, потому что крутой берег оставался пустынным. Да и не к этому стремился Горбяков, высекая буквы на мраморной плите. Писал сам для себя, клятву давал не Фросе — себе самому.

Смерть жены пробудила тоску по городу. В иные дни так и подмывало бросить беспокойную должность, покинуть нарымскую землю навеки, вернуться в город, где и университет, и библиотека, и люди, у которых многому можно научиться.

Но проходил месяц, другой, кончился год, а Федор продолжал жить по-старому. А вскоре понял Федор, что к этим местам прикован навечно. Вступила в свои права Поля. И, приглядываясь к ней, видел Федор: нет, не покинет она этих мест, никакой город не заменит ей этой суровой реки — с летними разливами, с дикими, безлюдными берегами, с лесами, где пуля застревает на первой сажени, с лугами широкими, безбрежными, очерченными только горизонтом, в какую сторону ни взгляни.

Беспокоила Горбякова и судьба старика Безматерных. Увезти его отсюда в город было бы равнозначно тюремному заключению. Оставить одного среди чужих людей не позволяла совесть: старик приближался к тому возрасту, когда и о нем могла потребоваться забота.

И еще была одна причина, может быть, самая главная из всех иных. Горбяков по должности, по обязанности был фельдшером, лицом отчасти официальным, связанным со службой, а по убеждениям своим, по взглядам, по порывам души он чувствовал себя революционером, большевиком, человеком, жизнь которого навсегда связана с партией.

В Нарыме, в условиях самой глубокой конспирации, настолько глубокой, что об этом могли лишь догадываться большевики, находившиеся в ссылке, работал подпольный партийный центр.

Строжайшая конспирация диктовалась обстоятельствами: в ссылке вместе с большевиками были люди иных политических взглядов — меньшевики, эсеры, анархисты. Приходилось опасаться не только полицейских ищеек, но и политических противников, уже осознавших, что путь большевиков к революции лежит совсем в другом направлении. Расхождения в стратегии и тактике образовали между политическими партиями России великую пропасть.

Подпольный партийный центр в Нарыме поддерживал через хитроумную сеть явок и подпольных квартир связи с партийными организациями Томска, Москвы, Петербурга, а также с зарубежными группами большевиков-эмигрантов. Центр ведал внутренними связями сосланных в Нарымский край. Если случались побеги отдельных товарищей из ссылки, это значило, что центр признает это целесообразным и сделает все, чтобы побег оказался успешным.

О судьбе Горбякова тоже существовало решение подпольного центра. Он обязан был сидеть на месте, заниматься своим делом фельдшера и помогать комитету в его связи с внешним миром. Такова была воля партии, о подлинном масштабе которой Горбяков составлял представление по рассказам ссыльных, по печатным материалам, изредка попадавшим в его руки.

О появлении беглеца на Парабельской протоке Горбяков узнал от Поли. После участия в облаве дочь прибежала в свой прежний дом. Отец спал на кровати, подложив под заросшую бородой щеку сильную, широкую ладонь. Свадьба и ему досталась нелегко: хлопотал о приданом; готовился принять гостей в своем доме.

Ну и, конечно, хорошо, крепко выпил, что умел делать лихо, с удалью, еще со студенческих пирушек.

Поля по-настоящему ничего не знала о связях отца с политическими ссыльными, хотя и была убеждена, что он и дедушка никогда ничего худого им не сделают.

Сами ведь были ссыльными когда-то. Тем более она не имела никакого представления о партии, о большевиках.

Поля хорошо знала по рассказам отца его жизненный путь, знала, как он попал сюда, в Нарымский край, и догадывалась, что среди невольников, обитающих в самых далеких и почти недоступных уголках этой проклятой богом земли, немало его друзей.

У Горбякова болела голова от перепоя и суеты последних дней. Он с трудом приподнялся, ожесточенно, обеими ладонями, растирая заросшее смолево-черным, с легкой проседью волосом крупное лицо. Натягивая сапоги, он попросил дочь рассказать обо всем по порядку.

Поля еще раз повторила все сначала — о приезде стражников, о погоне за беглецом по берегам Парабельской протоки, о встрече с ним на курье.

— Наверняка какой-нибудь уголовник, бандюк драпака дал! — выслушав дочь, сказал Горбяков, про себя подумав: «Если б побежал кто-то из наших, меня обязательно бы предупредили...»

Поля хотя и не разбиралась в тонкостях политики, но разница между уголовным преступником и политическим ссыльным была для нее доступной.

— Да что ты говоришь, папаня! — воскликнула она. — Я же собственными ушами слышала, как урядник возвестил о побеге «наиважнейшего государственного преступника». С чего это обычного бандюка он стал бы так возносить?!

Горбяков пригладил взъерошенные волосы, посопел, прихватывая мундштук белыми зубами. «Могло случиться и так — предупредить меня не успели. А могло случиться и того хуже — связь не сработала», — подумал он.

— Это верно, Поля! Все может быть. И кто б он ни был, этот человек, ты правильно сделала, что отвела от него беду. Пересидит в землянке — уйдет.

— Нет, не уйдет! Я велела ждать моего сигнала, — твердо сказала Поля. — А потом сам посуди: куда он уйдет? На Оби рекостав. Дорог нету. Ни проехать, ни пройти. А у него, видать, при себе только мешок с бельишком.

Горбяков вытащил из карманчика пиджака расческу, подошел к зеркалу, принялся расчесывать свалывшуюся бороду. «Ну какой же чудак этот беглец! Бросился в путь в самую трудную пору. Либо отчаянная головушка, либо от незнания местных условий», — думал Горбяков, всматриваясь в свое помятое лицо с припухлостями под глазами.

— Ну ты беги, Поля,.. к себе домой. Чтоб не подумали о тебе чего-нибудь плохого, — с некоторым усилием сказал Горбяков. Ему все еще не верилось, что дочь откололась от него, откололась навсегда, променяв родительский кров, под которым родилась и выросла, на дом чужого дяди. «Любовь... ничего не попишешь. Я-то сам разве не так же поступил? Приехал поневоле, а остался по собственному желанию. И все она, любовь, этикие трюки выкидывает». Выход Поля замуж за сына купчика не радовал Горбякова. Немного утешало, правда, ее намерение вырвать Никифора из отцовского дома.

А дочь настойчива, упорна, уж коли что захочет, тому быть.

Когда Поля открыла дверь, торопясь в свой новый дом, отец остановил ее.

— Там в случае чего, дочка, послушай, о чем стражники болтают. Кто он, этот человек? Я попозже зайду, расскажешь.

— От голода и холода он не сгибнет, папаня? Послал бы ты на курью дедушку Федота с какой-нибудь едой беглому, — сказала Поля, глядя на отца просящими глазами.

Дедушка Федот Федотович лежал на печке, грел поясницу. Он давно уже прислушивался к голосам зятя и внучки, но понять, о чем они толкуют, так и не смог.

Услышав, что Поля назвала его, он проворно поднялся, высунул белую, в кудрях голову из-за шторы, прикрывавшей печь, спросил:

— Не то меня, Полюшка, зовешь?

— Отдыхай себе, дедушка, отдыхай.

— Ну-ну. А я думал, надобность какая, — переводя вопросительный взгляд с Поли на Горбякова, сказал Федот Федотович.

2

Горбяков не спешил встречаться с Акимовым. Пока из Нарыма от центра не поступило никаких сообщений, он не имел права идти на какой-либо риск. Единственно, что он делал, — посылал беглому через два дня на третий пропитание.

Уносил еду Федот Федотович, оставлял ее в землянке и сейчас же возвращался. Всякий раз, когда Горбяков отправлял старика на курью, он повторял одно и то же: будь осторожен, не наведи стражников на след беглеца. В ответ на все эти строгие предупреждения старый каторжанин только похмыкивал.

Прошло уже дней десять, а Иван Акимов продолжал обитать в землянке на курье. Горбяков со дня на день ждал сообщений из Нарыма. Реки замерзли прочно.

Снегу навалило на аршин, и зимник начал действовать денно и нощно.

Однажды к дому Горбякова подъехал парабельский урядник Филатов. Федор Терентьевич сидел в горнице за аптечными весами, фасовал лекарства. Урядник частенько заглядывал к Горбякову как по нуждам собственного драгоценного здоровья, так и по долгу службы. Был он высокий, тощий, и худобой своей изводил и себя, и жену, и фельдшера.

— Собственно говоря, Федор Терентьевич, — громогласно басил урядник, — истинно государственных людей здесь двое: я и вы. Стражников нечего считать. Шантрапа!

Эти слова Филатов любил произносить. Вероятно, они выражали его внутреннее убеждение и давали право ставить себя на одну доску с фельдшером, человеком пришлым и немало образованным.

— Безусловно, Варсонофий Квинтеляныч! — отвечал Горбяков. — На нас с вами тут все самодержавие держится!

Горбяков посверкивал черными глазами, сдержанно улыбался в бороду, но в тот же миг становился недоступно строгим, чем и вызывал у Филатова особое преклонение. «Самостоятельный человек! На крепкий стержень посажен», — думал урядник, не подозревая, какие нелестные слова мысленно кидает фельдшер по его адресу.

Горбяков отодвинул веса и лекарства, встретил Филатова в прихожей:

— Ну, проходи, Варсонофий Квинтеляныч, проходи. Я велю чайку приготовить. Как съездилось-то?

Филатов даже шинель не снял.

— Уж ты извиняй, Федор Терентьич, — тороплюсь.

Съездил хорошо. Дорога, почитай, легла намертво. Вот тебе посылка. Получай! Опять книги? Умственный ты человек, Федор Терентьич.

— А дела-то каковы, Варсонофий Квинтеляныч?

Как служба идет?

— Неполладки, Федор Терентьич! Сгинул тот беглый, как сквозь землю провалился. Помнишь, которого в Полину свадьбу ловили?

— Сгинул?

— Будто на небеса воспарился! Никаких следов!

Становой рвет и мечет. Велел мужиков нанять, пройти облавой по лесам. Такой же приказ и в Колпашеву дал.

Деньги отпущены на оплату.

— Видать, крупная персона, раз такие заботы.

— Крупнейшая, Федор Терентьич! Становой, промежду прочим, сказал: не токмо из Томска, из самого Питера депеши летят: землю взрыть, а беглеца найти!

— Легко сказать!

— А что поделаешь? Служба! Пойду сейчас по дворам мужиков сговаривать. Может, к завтраму сколочу арте́лку.

— Здоровьишко как, Варсонофий Квинтеляныч? Под лопаткой не покальвает?

— Было.

— Смотри, Варсонофий Квинтеляныч, не забуди себя. Опять ты вроде поухудел.

— А что делать? Служба!

— Денек-другой полежи, прогрейся.

— С облавой, вишь, приказано не тянуть...

— Мое дело предупредить, Варсонофий Квинтеляныч.

— Уж не знаю, как и быть.

— Тебе жить, тебе и умирать.

Едва встревоженный урядник ушел нетвердой походкой, Горбьяков вскрыл пакет с книгами, нащупал в переплете одной из них почту от Нарымского центра.

В письме сообщалось:

«Побег совершил Иван Акимов, подпольное имя — «Гранит». Необходимо приложить все усилия, чтобы побег завершился успешно. Товарищ Гранит по решению Центрального Комитета направляется в Стокгольм для усиления деятельности эсдеков-большевиков в Швеции и выполнения особого, важного поручения.

Считаем совершенно исключенным продолжение побега в направлении Томска, по крайней мере в ближайшие три месяца. Будем благодарны за все меры, которые вы сочтете нужными в этих условиях с целью помощи товарищу Граниту.

По достоверным данным, в Нарыме состоялось специальное совещание жандармских и полицейских чинов, на котором обсуждалась необходимость срочного усиления контроля за содержанием политических ссыльных, в особенности эсдеков-большевиков. Что касается поисков Акимова, то намечено произвести ряд облав по урочищам Парабельской, Колпашевской и Кривошеинской волостей».

Горбьяков сжег записку на своей красно-медной спиртовке, пепел растер пальцами, смешал в пепельнице с табачным мусором. Потом он встал и долго ходил по комнате из угла в угол, от стола к шкафу и назад.

Первое, что предстояло ему, — сорвать намерения урядника относительно облавы. Если этого не сделать, недобровать Акимову. Снег — безжалостный предатель. Он оставляет на себе людской след, а жить, не оставляя следа на земле, человек еще не научился. Как только облава сунется на Парабельскую протоку, курью она не минует. Акимову отсюда идти некуда: кругом леса и безлюдная ширь ослепительно белых лугов.

А второе, что предстояло сделать, — это переправить Акимова в более надежное место, чтоб перекоротал он зиму, пересидел все эти розыски, облавы, приступы полицейских истерик.

Горбьяков ходил и ходил по комнате, курил папиросу за папиросой. Ничего путного в голову не приходило!

Вдруг скрипнула входная дверь, и в дом вошел Федот Федотович. Старик всегда был учтив и осторожен в обращении с зятем. Про себя чтил и почитал его.

Чтил за самостоятельность, за ум, за физическую выносливость. Почитал за доброту, за внимательность к себе. Частенько раздумывал: «Божий ты человек, Федор Терентьевич. Доведись до другого, дал бы мне коленом под зад и пропадай как собака под забором. Или привел бы в дом новую бабу, которая сжила бы со свету раньше времени. За что только господь наградил меня на старости лет счастьем быть вместе с тобой?»

— Кое-что сказать тебе, Федя, надобно, — скосив глаза на стряпку, суетившуюся возле печи, проговорил Федот Федотович, проворно раздеваясь.

— Входи, фатер, входи. А дверь я прикрою.

— Виделся с Гаврюхой, Федя. Тревога у него, — приглаживая пальцами белые кудри, сказал старик, останавливаясь на середине горницы.

— Что там, фатер?

— Сам меня выждал, подошел. «Спасайте, — говорит, — пока не поздно». Вчера к вечеру на землянку наткнулись два парня. Одному лет четырнадцать, другому все двадцать будет. На лыжах оба. Испугались, увидев Гаврюху, кинулись от землянки на дорогу. Всю ночь не спал, ждал облавы.

— Так, фатер, так. А ты не посмотрел, лыжный след куда ведет?

— Посмотрел, Федя. В Большую Нестерову пошли они.

— Это хорошо. Значит, не сразу к уряднику, а на совет с кем-то из своих, деревенских. С кем же?

— Неведомо.

— Вот в том и дело, что неведомо. И времени у нас с тобой — капелька. Если Гаврюху не уберем, к вечеру возьмут стражники.

— Он тебе что, Федя, дружок или просто связчик?

— И дружок, и связчик, и брат — все сразу.

— Тогда сберечь надо.

— Как, фатер?

— Не горюй. Уведу я его в Дальнюю тайгу. Ружейный припас у меня в сборе, а харчи вели стряпке подготовить. Поживу с ним, поохочусь. Никому и в голову не придет, что он со мной.

Горбьяков задумался. Непростой вариант предлагает старик. До Дальней тайги, где не раз обитался по разным нуждам Федот Федотович, два дня ходьбы. Есть там избушка. Кроме охоты, можно заняться рыбалкой.

Питание не вопрос. Но даль — страшная, глушь — чудовищная, путь, доступный только опытному таежнику. А вдруг центр изыщет какой-то другой способ бережения Акимова? А вдруг всплывет срочная, неотложная возможность перебросить его с верной оказией, скажем, под видом секретного государственного чиновника для тайных поручений? Что он, Горбьяков, тогда сделает? Как он доставит его из этой распрочертовой Дальней тайги, отделенной от Парабели лесами, и реками, и болотами?

— Вот что, фатер, сходи-ка к уряднику, отнеси ему порошки. Отдай жене и

скажи, что Федор Терентьевич велел уложить самого в постель. Шутки, мол, плохие с его худобой, да при таких длинных дорогах в Нарым.

Старик вопросительно поглядел на Горбякова. Тот поймал взгляд и понял его:

— Расчет такой, фатер: Филатов ляжет в постель, и облава, которую он назначил на завтра, не состоится. Пока ты ходишь, я тем временем кое-что прикину в уме.

Старик вышел и через минуту появился снова, одетый по-зимнему: полушубок, мохнатая шапка из собачины, пимы с высокими голяшками.

Горбяков подал старику лекарства, предназначенные уряднику, предупредил на всякий случай:

— От себя, фатер, никаких дополнений. Передай — и назад.

— Вестимо, — буркнул Федот Федотович. Под нависшими бровями сверкнули молодым блеском лукавые глаза, улыбка чуть тронула обветренные губы и тут же погасла, как искра на ветру.

Снег проскрипел под ногами старика возле окон.

«Морозит!» — промелькнуло в голове Горбякова. Он зашагал опять из угла в угол. Прикидывал самое разное:

«Если я приведу его к себе. Изобразит он начальника, прибывшего из Томска, к примеру, для... для проверки чего?.. Не то. К тому же остается вопрос: с кем, на каких подводах он прибыл? Каждый ямщик на виду. Нет, от такого варианта придется отказаться».

«Может быть, его передвинуть в другое место? Увезти, скажем, на Обские плесы, к рыбакам. Увезти мне самому, под видом городского друга юности... Попросить приютить на недельку как любителя рыбного промысла зимой... Ну а через неделю что делать? И есть ли гарантия, что его там не выдадут в первый же день?»

Полицейские снуют теперь повсюду, где только есть люди.

Так ничего и не придумал Горбяков до возвращения старика. А старик принес новость сногшибательную:

— Лекарствие, Федя, передал супруге. Благодарила ужась какими пронзительными словами. Велела помянуть, что в долгу не останутся. Намек ясный: за добро отплатят добром.

— Самого не видел?

— Видел! Отдается своей мерзопакостной службе...

— То есть?

— Сидит с костаревским стражником и планирует, как половчее обложить дороги, чтобы закрыть начисто выход Гаврюхе.

— Не уловил, когда они задумали раскинуть сети?

— Завтра двинет он свое псиное войско. Сама хозяйка сказала. Завтра, дескать, с обеда заляжет в перину жир накапливать, как службу справит срочную.

— Что будем делать, фатер? — Горбяков и хотел бы, но уже не мог скрыть тревоги.

— Упредим, Федя.

— Как упредим, фатер?

— В ночь уведу Гаврюху в Дальнюю тайгу. Кой они хватятся, а наш след уже простыл.

— Собирайся, фатер. Другого выхода у нас нету, — сказал Горбяков, с мучительной тоской подумав о дочери: «Как бы хорошо, если бы была Поля! Помогла бы собрать и проводить их в дорогу».